

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

IRRATIONAL PHENOMENA AND PROCESSES IN ECONOMY OF A REGION

Шедяков В.Е.,

*доктор социологических наук,**кандидат экономических наук, независимый исследователь*

Подводятся итоги изучения механизма воссоздания, а также диапазона мнимых социально-экономических величин. Рассматривается место превращенных форм в обществе и экономике. Для анализа трансформаций в иррациональные структуры в исследование вводятся процессы отчуждения. Изучаются особенности осуществления парадигмального перехода и переходного периода. Освещаются причины и особенности формирования объективных мыслительных форм и предпосылки квазинауки при усилении структурирующего экономику значения общества знания.

Ключевые слова: реальность, виртуальность, фикция, превращённая форма, ложное явление, иррациональный процесс, химерическое общество, парадигмальный переход, хаотическая модернизация, переходный период.

Підбиваються підсумки вивчення механізму відтворення, а також діапазону мнимих соціально-економічних величин. Розглядається місце перетворених форм у суспільстві та економіці. Для аналізу трансформацій в ірраціональні структури в дослідження вводяться процеси відчуження. Вивчаються особливості здійснення парадигмального переходу та перехідного періоду. Висвітлюються причини та особливості формування об'єктивних розумових форм і передумови квазінауки у разі посилення структурируючого економіку значення суспільства знання.

Ключові слова: реальність, віртуальність, фікція, перетворена форма, хибне явище, ірраціональний процес, химерне суспільство, парадигмальний перехід, хаотична модернізація, перехідний період.

The results of the study of the mechanism of recreation, as well as the range of imaginary socio-economic unites, are summarized. The place of the transformed forms in a society and economy is considered. For analyse of transformations into irrational structures, alienation processes are introduced into the elaboration. The specialities of paradigm transition and transition period are studied. Causes and peculiarities of the formation of objective mental forms and the prerequisites of quasi-science during the strengthening of the meaning of the knowledge society for structured in an economy are enlightened.

Key words: reality, virtuality, fiction, transformed form, false phenomenon, irrational process, chimerical society, paradigm shift, chaotic modernization, transition period.

Постановка проблемы. Исследователи социально-экономических процессов давно обратили внимание на сочетание рационального и иррационального начал, проявляющееся, в частности, в особенностях институциональной и поведенческой экономики, национальных хозяйственных целостностей. Анализ позволил им охарактеризовать пласты мнимых социально-экономических величин, превращённых (преобразованных) форм, ложных ориентиров и иррациональных явлений общественной жизни региона.

Анализ последних исследований и публикаций. Существует обширная исследовательская литература по изучению социально-экономических сущностей и видимостей, закономерного и случайного в формировании политико-экономических и социокультурных химер и кентавров, содержания и форм процессов применительно к различным стадиям и этапам общественного развития, фазам воспроизводственного движения. Так, научное осмысление этих понятий и явлений, использование соответствующего аналитического инструментария активно проводилось А. Аггом, Т. Адорно, В. Барулиным, Г. Батищевым, М. Бахтиным, А. Бузгалиным, И. Бычко, А. Ваджрой, И. Ватиным, И. Витаны,

Г. Гегелем, Э. Глаголевой, А. Грамши, Л. Гумилёвым, А. Гусейновым, Ю. Давыдовым, Э. Дюркгеймом, А. Ермоленко, В. Звигляничем, Э. Ильенковым, И. Кантом, Н. Козловой, А. Колгановым, В. Копаловым, Я. Кузьминым, М. Лангштейном, Н. Лапиным, М. Мамардашвили, К. Марксом, Г. Маркузе, В. Межуевым, И. Нарским, М. Нечкиной, Т. Ойзерманом, С. Платоновым, С. Поповым, К. Райдой, Е. Режабеком, В. Тараном, Ю. Тищенко, В. Толстых, М. Хоркхаймером, Э. Фроммом, В. Шановским, В. Шкловским.

Выделение нерешённых ранее частей общей проблемы. Возможности мнимых социально-экономических величин становятся стратегическим арсеналом трансформаций во время межпарадигмального перехода, однако понимание их сущности сопряжено с изучением не только их актуального функционирования, но и исторических путей формирования, а также фундаментальных особенностей.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Итак, цель статьи – анализ развития и потенциала совокупности иррациональных социально-экономических процессов в постсовременных региональных трансформациях, для чего: рассматривается движение социально-экономических

величин в направлении нарастания иррациональности хозяйствования, его восприятия и анализа; иррационализм анализируется как закономерная характеристика качества (дисгармонии) связи элементов социально-экономической целостности; в выявлении диапазона возможностей иррационализма специальное внимание уделяется особенностям переходного межпарадигмального периода.

Изложение основного материала исследования. В широком сегменте социально-экономических явлений и процессов их содержание существенно отличается от форм и воплощений: как вещественно-материальных, так и общественных (социально-идеальных и материально-социальных); реальность проще воспринимается в определённых формах устойчивых и далее не разлагаемых предметностей сознания, качеств, предметных смыслов, что упрощённо предстаёт не отпечатком субъективного, а объективной формой и свойством самой вещи. Мнимые предметы и процессы (уподоблённые и замещающие реальные) становятся не только устойчивыми и самовоспроизводящимися, но и обеспечивающими всю целостность, характеризующими её системными чертами [1, с. 13–14]. Превращённые (преобразованные) формы – характеристика строения и способа функционирования сложных целостностей, означающая получение формой самостоятельного и доминирующего значения при ослаблении сущности (вплоть до её полной диффузии) [2, с. 315–317].

Развёртывание потенциала непрямых, не непосредственных форм происходит со становлением / созревaniem общества. Продажа уже самих творческих / производительных способностей, разнообразия человеческой одарённости автоматически извращает весь комплекс как общественных, так и индивидуальных отношений. Случайность же востребованности потенциала личности не компенсируется использованием / сверхэксплуатацией рабочей силы. В процессе воспроизводства востребуется либо самоценный участник сотворчества (прежде всего, в труде и управлении), либо отчуждённый носитель функции на шкале «руководитель – исполнитель» / «администратор – подчинённый». Самоотчуждение усиливает иррациональную определённость превращённых форм. Одновременно вопреки регуляции воспроизводственного цикла и ценообразования рыночной стихии нарастает сегментирование, планирование производства и сбыта, манипулирование модой в глобальном и региональном масштабах [3–7].

В обществе продуцируются структуры, в которых уровни потребительной стоимости, стоимости и формы стоимости могут быть либо неразделимо слиты, либо не соответствовать друг другу, а в ряде случаев явления могут характеризовать взаиморезонирование нескольких оснований или

же их диффузию. Так, например, с позиций трудовой теории стоимости тщательно описан феномен цены товара рабочая сила, цены земли, цены труда и т.п., где форма маскирует природу содержания. Рыночно-отраслевой уровень как хозяйственных процессов, так и их аналитического исследования не пассивно проявляет, а выступает активным участником трансформаций. В частности, рыночная (общественная) стоимость – это стоимость воспроизводства, и определяется она рабочим временем, которое необходимо затратить на него в данный момент, а не в момент производства товара. Именно разница общественно необходимых затрат труда и фактического труда фиксируется в расхождении рыночной цены и рыночной стоимости. Так что в основании соотношения спроса и предложения оказываются затраты труда в регионально-отраслевом разрезе: предложение базируется на фактических затратах труда, образующих стоимость массы товаров данной товарной ниши, спрос – на адекватной части затрат труда в отраслях/регионах, обеспечивающих потребление, которое создаёт эквивалент труда, возмещающий действительную затрату труда при производстве необходимых товаров. Рыночная стоимость может включать и ложную социальную стоимость, выступая как результат не только затрат труда в условиях данных отрасли/региона, но и часть внешних затрат труда, перешедших сюда и принявших участие в формировании данной рыночной стоимости. Непосредственно ложная социальная стоимость – та часть рыночной стоимости, которая не имеет в своём основании действительных затрат труда, осуществлённых в данных условиях; однако ложной социальной стоимостью становится и рыночная стоимость единицы товарной массы, регулируемая индивидуальной стоимостью товара, произведённого в крайних условиях, прежде всего – когда она больше действительной средней производительности труда в данных условиях [8–10]. Направленность столкновений как комбинация комплиментарности / враждебности определённых регионов проходит сквозь века и общественные изменения. Химеричность и характеризует закономерную составляющую в качестве (дисгармонии) взаимосвязи элементов определённой целостности («лебедь, рак и щука»). Разумеется, трансформация взаимного отчуждения в раскол усиливается действиями, воспринимаемыми / раскрываемыми одной из сторон отношений как самозванство [11, с. 103–104].

Так, в регионально-отраслевом разрезе особенно очевидно, что процессы хозяйствования гораздо шире чисто экономических феноменов или же собственно производственных отношений, включая в себя широкий диапазон мнимых величин, базирующихся на объективно возникающих в общественном сознании представлениях. В част-

ности, преходящий модус общественной среды продуцирует особенности хозяйственного механизма и социальной инженерии, закрепляющие социально-экономические фикции. Между тем, только гармония во взаиморезонировании свойств хозяйственных отношений и материально-технической базы обеспечивает гуманизацию общественного воспроизводства как средства творческого развёртывания (прежде всего, в труде и управлении) его сущностных сил. Однако отчуждение – принудительная социализация в неприсущих человеку формах – общественно необходима до создания адекватной материального и духовного фундамента самораскрытия человека (и природы им). При этом всеобщность / тотальность отчуждения акцентирует возможности иррационально-превращённых форм в реализации одарённости человека, необходимость раскрывает потенциал свободы. Иррационализм хозяйствования становится закономерной характеристикой качества (дисгармонии) связи элементов социально-экономической целостности. Так, отчуждённый труд – общественно разделённый, абстрактный, производительный, что обеспечивает в форме отчуждения взаимодействие и кооперацию людей при проявлении их сущностных сил. Во время этого: 1) труд принадлежит другому; 2) труд истощает, закрепощает. Структура классических форм отчуждения, делающих мнимые социально-экономические величины не только общественно необходимыми, но и системными качествами общественной целостности, может рассматриваться под углом зрения и фактической данности, и элемента исторического процесса. Последующая модификация отчуждения вызвана, во-первых, тем, что развитие предоставило возможность в классической среде, которая связывалась с капиталистическим проектом, преодолеть некоторые проявления отчуждённости, создать условия для развёртывания сущностных и функциональных качеств человека на производстве, и во-вторых, тем, что история стран, исповедовавших коммунистическую идеологию, привела не к успеху проекта освобождения труда, а к воспроизводству отчуждения всеобщей частной собственностью. Впрочем, за ликвидацией лагеря реального социализма последовали и крах догм либерального капитализма, и демонстрация ограниченности потенциала религиозного фундаментализма.

Ресурсно-методологические базы информационного давления способны сместить иррационализм социально-экономической и социокультурной жизни, общественной психологии и идеологии. Между тем, в ходе хаотической модернизации особое значение для диапазона расхождения и взаимовлияния уровней потребительной стоимости, стоимости и формы стоимости имеет нарастание воздействия виртуального мира на

реальный. Так самими процессами общественных трансформаций, кардинальными отличиями в регионально-отраслевой структуре дополнительно провоцируется социально-экономическое мифотворчество. Общественное сознание проецирует отношения людей на продукты вещного мира, которые, в свою очередь, присваиваются как символы не только присущих человеку потребностей, но и знаки включённости в социальную систему, определённой статусности в ней. Отношения социальной идеальности ценностно-смысловых комплексов как своего рода объективной субъективности и подтверждают дополнительно роль в качестве ресурса общественной интеграции и формирования полноценных социокультурных полей. Духовное производство фиксирует на фундаментальном уровне производительность общественного сознания от общественного бытия, на актуальном же – наоборот, общественного бытия от общественного сознания. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутренние и внешние очертания. Одновременно, духовное творчество как неотъемлемая определённость духовного производства, оказывается крайне чутким к отчуждающим человеческую личность факторам.

Характер очередного парадигмального перехода не только усиливает давление на процессы общественного воспроизводства духовно-ментальной сферы, но и вводит в обязательные характеристики общественно-необходимого труда интеллектоёмкость, а общественно эффективного хозяйствования – нравственность. Так, творческое начало предполагает реализацию сущностных сил человека, потому имманентно его природе. Вместе с тем, растёт заинтересованность в паразитировании именно на духовной (в частности, интеллектуальной) одарённости, сдвигая акценты в процессах отчуждения [12–14]. Тем самым меняются параметры продуктивных изменений общественной среды и кластеров – драйверов усиления безопасности и развития (как неотъемлемого компонента общественной безопасности). В частности, важнейшим требованием к первой становятся её возможности для стимулирования (в т.ч. ценностного) созидательных трансформаций, а вторые всё чаще закономерно складываются в научно-образовательно-производственные комплексы с ядром из мозговых центров (научно-производственные объединения).

Движение к структурирующему мировую экономику значению общества знания накладывается на ризомичность и полиструктурность как характерные черты постсовременности с такими её проявлениями, как постмодерн культуры (в т.ч. хозяйствования), посттейлоризм организации и

управления, постиндустриальное состояние хозяйственных отношений, постглобальность международных отношений. Причём под доминантой атрибутов социальной системы сохраняется очевидное социальное неравенство и чёткость иерархии связей «центр – полупериферия – периферия» (хотя и здесь они утрачивают полярность и экономизм). Центр оформляется в несколько «зон прорыва», а периферия характеризуется не столько производством уходящих форм организации труда, сколько маргинализированностью и деклассированностью масс. Налицо региональность отношений центра и периферии, но нет в явном виде их самих как специфических структурных уровней. Фрагменты же, инициируемые доминантой атрибутов несистемной социальной общности, не несут признаков неравенства и иерархий, однако включают институционализацию по признаку типичности и традиций. Здесь равнозначны, самоценны и рядоположены регионы: западно-христианский, восточно-христианский, исламский, индо-буддийский, конфуцианско-буддийский. Диалогизм каждой из пар различен и задается, в первую очередь, этнокультурными параметрами. Часть из них подвижна. Не все территории равномерно охвачены их пространством, кое-где их признаки налагаются друг на друга и сталкиваются. Всеобщность, достигнутая капиталом в эру индустриализма (модернизма), сохранила и ниши воспроизводству на иных началах. Народы, попавшие в «турбулентное завихрение», выделяются не столько уровнем эффективности, сколько экзотикой социальной структуры и политико-экономической организации. Но вернуться в исторический поток при модернизме легче, чем сойти с него на свою тропу. Другое дело – постмодерн с его развитым плюрализмом и культивируемым разнообразием. В этой ситуации в эволюции растёт роль факторов неэкономических, прогресс осуществляется не столько стадийно (диахронно), сколько синхронно, привычные классовые антагонизмы часто подчиняются, дополняются и замещаются иными: социальными, этническими, религиозными. Появляются новые признаки. Происходит хаотическое возникновение форм синтетического либо синкретного характера с особыми свойствами. В результате на передний план выступают процессы циклические, в основании которых – сочетание архаического уровня (фольклор, язык, этноосмысление, религиозные отличия) с «осевым» (понимание великого священнописания и отнесение себя к одному из культурных миров) и модернистским, а модели вестернизации демонстрируют как ограниченность эффективного применения. Анализ развития социально-экономического начала позволяет выделить этапы общества аграрного – индустриального – постиндустриального (информационного) – постинформационного (инноваци-

онно-синергического), где основным критерием выступают ресурсы и способ их использования. Изучение же начала этнокультурного даёт основания выделить модели организации и функционирования традиционного, модернистского и постмодернистского укладов региона.

В межрегиональных точках бифуркации при осуществлении форсированных трансформаций карнавальность нарастает: состязаются варианты не только прошлого и будущего, но и модели самого будущего. При этом, разумеется, программирование дальнейших социально-экономических процессов существенно зависит от того, кто и в чьих интересах осуществляет воздействие на происходящее. В частности, результат переходного периода в значительной мере зависит от представленности и воплощения коренных интересов всего народа (а не, например, коррупционеров у рычагов власти). Собственно, это становится необходимой предпосылкой как удержания баланса между фундаментальными и актуальными пластами социально-экономической действительности, так и обеспечения соответствия между механизмами самодвижения экономики и регулятивного влияния на них, объективного окна возможностей и творческой субъектности. Таким образом, усиливается необходимость баланса предоставления максимального простора для общественно-полезного творчества широких народных масс и разнообразия личного потенциала (в первую очередь, высокоодарённых альтруистов). При правильной организации именно возрастной альтруизм наряду с мудростью опыта обеспечивают непредвзятость суждений и решений, умение смотреть на них с позиций не самоутверждения, а общей пользы, что всегда использовалось в интересах оптимизации выживания и регулирования жизни общества (наиболее известный пример – геронты в Спарте, избиравшие эфоров и выдвигавшие кандидатуры царей).

Карнавальность практики, где иррациональные формы, имитируя подражаемые практики, скрывают совершенно иное содержание, свойственна при заимствовании институций, а не выращивании своих. Ныне лидерские группы уже выявили свои принципы, приоритеты и ценности, задали грань между миром «горным» и «дольным». Деградирующая часть периферии выступает объектом манипулирования, а не субъектом истории. Разность потенциалов скапливается в полупериферийной зоне и на грани миров. Здесь – возможности неожиданных мутаций, несущих и элементы хаоса в глобальном масштабе, и дополнительные импульсы развития. Так складываются перспективы межпарадигмальной хаотической модернизации, а время активного противоборства путей трансформаций формирует переходный период. На собственно меж- и внутрирегиональные про-

тиворечия накладываются особенности отстаивания интересов на осях «центр – полупериферия – периферия». Плотность социально-культурного и экономического пространства, как и темпы развития, всегда дифференцированы, а их динамика содержит элементы не только поступательного развития, но и циклизма с потенциалом понижательной волны регресса, что дополнительно вызывает напряжение при перераспределении притягиваемых к региональным ядрам ресурсных баз. Так, если в представлении социально-экономических процессов на плоскости видят синусоиды, то в объёмном выражении – расширяющуюся (или, напротив, сужающуюся) воспроизводственную спираль. При этом инновационно-синергетические доминанты времени выносят на авансцену истории кластеры, зачастую оказывающие глобальное влияние, соизмеримое со страной как целым. В этом сопоставлении критично, чтобы моменты деградации, регресса в чём-либо были подчинёнными, внутренними, а не доминантными и определяющими дальнейшие трансформации. Соответственно, меняется в направлении мягких технологий стимулирования желательных поведения и процессов предпочтительная методология организационно-управленческого воздействия на процессы и явления [15; 16].

Соответственно, вспыхивают противоречия подходов, с одной стороны, энтузиастов и созидателей (мотивируемых творчеством) и, с другой, – предприимчивых дельцов с оборотистыми администраторами (преследующих задачи максимизации прибыли). При этом власть коррупционеров становится одним из решающих факторов подрыва нравственного здоровья народа. Субъектность реформирования обеспечивает ренту в конвертации хозяйственной власти в другие её разновидности (в частности, в политическую, идеологическую и т.д.). Переходный межпарадигмальный период как время активного противоборства возможных вариантов дальнейшего разворота событий (как и зоны активной социокультурной диффузии) из-за остроты баланса хаоса и порядка и открывает дополнительные возможности, и таит риски. В этой ситуации управление хаосом может предоставить новый выигрыш (в частности, от участия в организации и институционализации структур будущего), но в ситуации стратегического цейтнота своевременно отыскать оптимальный путь и сыграть «на опережение» непросто. Однако причинность – отнюдь не обязательный атрибут природы. Попытка же переноса удобной для представления сознанием социальной реальности заведомо обедняет понимание мира, его целостности. Последняя, соответственно, рассматривается как: а) совокупность всех свойств или аспектов вещи и особенно всех отношений между составляющими ее частями; б) некоторые особые

свойства или аспекты рассматриваемой вещи, благодаря которым она выступает как организованная структура, а не как «простое множество» [17, с. 89]. Эти подходы во многом разграничивают объект научного изучения и утопическую тотальность фикций. При этом «отождествление эзотерического содержания социального процесса с его экзотерической стороной – такова основа фетишистского сознания, ориентирующегося на извращённое соотношение сущности и явления, признающего только искажение сущности» [18, с. 9].

Вместе с тем напор иррациональной составляющей общественной жизни обеспечивает реактуализацию мифологизации, продуцируя неомифы, включающие формально-логически обоснованные видимости. Отражением напора мнимых величин в реальной общественной жизни становится как увеличение иррационализма в восприятии происходящего, так и расширение ненаучного взгляда на трансформации. Объективные мыслительные формы приобретают непосредственное воплощение в кликовой информационной культуре, вырываясь при переходе к структурирующей мировую экономику роли общества знания на уровень «новых медиа» и преодолевая текстовые носители в смайликово-символьных системах передачи настроения и восприятия. Соответственно, возвращение дорефлексивного мышления в общественное мнение упрощает манипулирование сознанием. Как известно, «имманентным содержанием рационализаций обыденного сознания и философской рефлексии оказываются извращённые формы бытия, получающие осмысление в различного рода идеологизациях по поводу процесса отчуждения» [18, с. 7]. Одновременно, использование эмоционально окрашенных ресурсно-методологических баз позволяет уклоняться от критицизма рациональности. В результате обеспечиваются приращения как квазинауки и псевдонауки, так и эмпирики, помогающие манипулированию человеческим потенциалом общества [19–21]. В частности, именно «срастание обособленных предметных форм с абстрактной человеческой деятельностью, смещение акцентов в сросшихся образованиях на момент их натурального бытия определяет содержание объективных мыслительных форм, которые обозначают схемы ценностной ориентаций и соответствующих им поступков людей в их функции агентов <...> производства» [18, с. 98]. Между тем, сами ценностно-смысловые комплексы складываются на мировоззренческом и инструментальном уровнях, в социальной и индивидуальной плоскостях – только гармоничное состояние этих начал позволяет массовидно воспроизводить общество. Однако устойчивость безопасности и развития требует повышения уровня знаний о перспективных тенденциях

трансформаций и качества ответов на вызовы исторического масштаба. Факты, свидетельствующие о появлении и усилении новых процессов, зачастую скрыты под пудом доминирующих пока характеристик прошлого, но без их должной оценки невозможно строить политику «на опережение» [22; 23].

Выводы и перспективы дальнейших исследований в этом направлении. 1. Исчезает привычная определённости, падает результативность директивного администрирования, нарастает значение повседневных практик, внеиерархических социальных коммуникаций и неинституционализированных отношений. Иррациональность выступает как закономерной характеристикой качества процессов и явлений, так и средством воздействия на хозяйство. 2. Каждый оказывается в состоянии постоянного выбора или готовности к отказу от него в пользу стереотипов потребления материальных и духовных благ. Попытки навязывания внешних шаблонов и стандартов, невзирая на межрегиональные особенности, способны увеличить карнавальность хозяйственной жизни. 3. В поведенческой экономике противостоят модели менеджмента: руководитель – исполнитель, администратор – подчинённый или же сотворцы (прежде всего, в труде и управлении). 4. Особенно богат возможностями как внутренних флуктуаций, так и внешних влияний переходный период. В том числе, крайне серьёзны перспективы трансформаций в точке бифуркации при парадигмальном

переходе. Дополнительный толчок ожесточению междоусобиц как форме взаимодействия и попыток организации хаоса способен дать распад крупных государственных образований, когда каждый осколок может пытаться освоить новые границы (выросшие из прежних формально-административных) и изменить их к своей выгоде, меряясь силою с прочими. 5. Следствием целого ряда тенденций становится усиление предпосылок состояния «нового общества», которое может послужить основанием, с одной стороны, повышения уровня свободы выбора, с другой же, социально-экономической иррациональности, ценностного и социального хаоса. 6. Информационные вирусы как вариант информационного воздействия формируют точки кристаллизации настроений и моделей мировосприятия. 7. Осуществление и позитивных, и негативных мутаций общественного организма может позволить трансформировать диапазон допустимого в рамках сложившегося общественного уклада. В частности, механизмом этого могут стать мнимые общественные величины, ложные социально-экономические ценности / стоимости, иррационально-превращённые региональные формы.

Осуществление научных разведок по данной теме предполагает, по нашему мнению, изучение механизмов оптимизации условий снижения общественных рисков при повышении производительного результата развития разноуровневой социально-экономической целостности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Звиглянич В.А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категорий видимости и сущности. К.: Наук. думка, 1980. 151 с.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Шановский В.К. Диалектика сущностных сил человека. К.: Вища шк., 1985. 172 с.
4. Агг А. Мир человека как субъекта производства. М.: Прогресс, 1984. 199 с.
5. Шедяков В.Е. Человеческий фактор: раскрытие и развитие творческой активности в формах отчуждения. Нова парадигма. 2014. Вип. 120. С. 96–113.
6. Erikson K. On work and alienation. American Sociological Review. 1986. № 51. P. 1–8.
7. Шедяков В.Е. Потенциал развития трудовой теории стоимости в контексте усиления структурирования воспроизводственного процесса обществом знаний. Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер. Економічні науки. 2016. Вип. 16. Частина 3. С. 9–14.
8. Шедяков В.Е. Мелкотоварные иллюзии и реальность. Акционерное дело. 1992. № 4. С. 56–62; № 5–6. С. 69–77.
9. Шедяков В.Е. Регионально-отраслевая конкуренция и ложная социальная стоимость. Бизнес Информ. 1992. № 29. С. 9–10.
10. Шедяков В.Е. Хибні соціальні величини в інформаційних обмінах постсучасності. Соціальна психологія. 2011. № 4. С. 106–114.
11. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
12. Шедяков В.Е. Парадигмальный переход в теории и на практике: стратегический дизайн форсированных трансформаций. Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер. Економічні науки. 2017. Вип. 23. Частина 1. С. 54–58.
13. Шедяков В.Е. Переходный период: сущность, содержание, формы. Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер. Економічні науки. 2017. Вип. 25. Частина 1. С. 17–21.
14. Шедяков В.Е. Превращённые формы регионального управления. Регион: проблемы и перспективы. 1997. № 4. С. 67–74.

15. Шедяков В.Е. Принцип превращённых форм в управлении социохозяйственной модернизацией. Харьковские социологические чтения –1995. С. 39–42.
16. Шедяков В.Є. Продуктивні основи поєднання ресурсно-методологічних баз соціально-економічного саморозвитку і стратегічного управління. Моделювання та інформатизація соціально-економічного розвитку України. 2017. № 1 (3). С. 11–25.
17. Поппер К. Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 187 с.
18. Проблема человека в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркса; ред. Е.Я. Режабека и др. Р н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. 172 с.
19. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.
20. Шедяков В.Є. Особливості наукових праці та методології в умовах розповсюдження Інтернет-простору. Політологічний вісник: 36-к наук. праць: На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. Вип. 57. С. 117–128.
21. Шедяков В.Є. Продуктивний потенціал застосування концепції інтелектуального капіталу: особливості, можливості та обмеження в українських умовах. Наука та наукознавство. 2012. № 2. С. 35–42.
22. Ковальчук Г. ПроФесорский состав. Как в Украине псевдонаука вытесняет науку. URL: <https://focus.ua/society/393014>.
23. Партико З.В. Наука, псевдонаука, паранаука й інженерні вчення. Бюлетень ВАК України. 2010. № 9. С. 39–43.